

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

— Какова судьба этого здания?

— Эта мастерская всегда находилась на балансе Союза художников, до 1997 года здесь работал Михаил Константинович, потом какое-то время здесь продолжала трудиться Мария Литовченко, его жена. Затем все наши структуры, в том числе и Союз художников, начало лихорадить, и про это здание просто забыли. Мастерская постепенно приходила в упадок: разорвало батареи, просели полы, на стенах разрастался грибок, текла крыша. Ясность наступила лишь тогда, когда Валентина Матвиенко подписала постановление о создании здесь музея и передаче здания Музею городской скульптуры. Тогда начался длительный процесс оформления документов, который занял два года. Первые сотрудники МГС пришли сюда в 2007 году и обнаружили полное запустение. Затем последовал долгий процесс утверждения проекта капитального ремонта и восстановления здания, которое заняло несколько лет. Постоянная экспозиция тоже складывалась не за один день, и музей в пилотном режиме открылся лишь в конце прошлого года всего на несколько дней: мы вынуждены были его закрыть по причине полного отсутствия штатного персонала. Затем мы начали проводить экскурсии по предварительной записи. С июля же мастерскую Аникушина может посетить любой желающий.

Теперь каждый может познакомиться с секретами творческой кухни великого мастера.

«Развлеченьям в мастерской не место!»

— Расскажите немного о технологических моментах этого уникального комплекса...

— Здесь все сделано для удобства работы скульптора, начиная с освещения: большие окна ориентированы на север, что не случайно — у скульптора всегда должен быть ровный спокойный свет. На уровне примерно шести метров сделана обходная галерея, которая позволяла скульптору посмотреть на свое детище с разных точек. Создание здесь моделей памятников напоминало целое производство: кроме главного скульптора, присутствовавшего на всех этапах работы, были и модельщики, и штатные скульпторы, прокладывавшие

основную фигуру из глины, были форматоры, были и просто подсобные рабочие. Только представьте, сколько нужно накидать глины, для того чтобы построить памятник в 7,5 метра! Для этого, кстати, здесь всегда была специальная глиняная яма, в которой всегда был запас влажной глины.

— А что это за постамент на колесах?

— Это платформа башенного крана, которая и сейчас с помощью электромоторов может ездить по проложенным в полу рельсам, а также поворачиваться. В ее центре вы видите железную конструкцию, так называемый глаголь — начало любой скульптурной композиции, основу каркаса, на который уже накидывается глина. При этом каркас остается подвижным — его можно изгибать, меняя позу фигуры.

— Наверняка у каждой из скульптур, вышедших из этой мастерской, есть своя особенная история...

— В открытом хранении у нас находится макет скульптурной группы «Защитники», той самой, с которой отливалось ее бронзовое воплощение, являющееся частью Монумента героическим защитникам Ленинграда на площади Победы. Поскольку Аникушин был мастером академической школы, ему всегда была важна натура. И вот, когда он искал образ санитарки, то никак не мог найти подходящую натурщицу — ему почему-то постоянно присылали полных и пожилых женщин. В какой-то момент в мастерскую зашла его дочь. Он поднял на нее глаза, задумался на секунду, а затем быстро усадил на стул со словами: «Сиди и позируй». Таким образом дочь Аникушина оказалась увековечена в бронзе.

— Как Аникушин работал? Наверняка вы разговаривали с теми, кто наблюдал его в процессе.

— Аникушин был человеком потрясающей энергетики. Когда он работал над каким-то глобальным проектом, то его сложно было удержать на месте. Его помощники вспоминали, что он мог на про-

тяжении многих часов носиться по лесам, возведенным вокруг скульптуры, потом, переодевшись, уезжать по каким-то делам из мастерской, затем возвращаться и вновь обегать готовящийся макет памятника сверху донизу. А потом вдруг уснуть прямо на площадке лесов. Когда он работал над памятником Ленину, он даже носил такую же кепку и отчасти копировал походку своего героя, словно вживаясь в образ, который ему предстояло создать.

— Как он уживался с властями?

— Власти его уважали. А он знал, как с ними работать и при этом не терять своего достоинства. Когда готовился к сдаче первый реализованный в этой мастерской проект — памятник Ленину, — к скульптуре незадолго до приезда комиссии был добавлен бант на лацкан пиджака. Михаила Константиновича тогда спросили: зачем? А он, хитро улыбаясь, со знанием дела ответил: «Комиссия придет и первым делом обратит внимание на этот бант. Естественно, он им не понравится, и они его запретят, да и останутся на этом, и ничего в скульптуре уже не изменят».

— Сегодня частью экспозиции стали работы учеников Аникушина. Как складывались его отношения с ними, с его помощниками?

— У него интересная привычка была: посоветуют ему помощники что-нибудь, он наорет в ответ в духе «что за бред!», походит, подумает и по-тихому сделает так, как ему советовали. Многие студенты, знавшие Аникушина, называли его шаровой молнией: человеком он был уж очень эмоциональным, мог и кричать, и махать руками. При том до сих пор ходят легенды, что некоторые студенты настолько его боялись, что спасались бегством в самом прямом смысле слова, чуть ли не прыгали в окна. Одна из его выпускниц, Юлия Мурадова, проходившая практику в этой мастерской, вспоминала, что Аникушин очень не любил всякие женские украшения и какой-

нибудь браслет мог просто сорвать с запястья и выкинуть со словами: «Развлеченьям в мастерской не место!» Но при этом своем вечном крике и вспыльчивости он всегда оставался очень чутким человеком, который готов был помочь чем угодно: хоть в санаторий путевку выбить, хоть ребенка в детский сад пристроить — к нему постоянно люди с просьбами обращались, и его рабочий день начинался с телефонных звонков «по делам просителей». И он никогда ничего не требовал взамен: помогал, потому что мог помочь.

— Говорят, что ученики всегда что-то берут от своего учителя. Что унаследовали от Аникушина его воспитанники?

— Когда готовились выпуск его студентов, художественное сообщество напрягалось, ожидая, что свет увидит выводок «аникушинцев», во всем повторяющих своего учителя. Но этого не происходило. Все оказались самобытными скульпторами, со своими виденьем, ощущением, мировоззрением. Аникушин заложил в каждого из них жесткую базу академической школы, но при этом не задавил полета фантазии и мысли. Да, выпускные работы имели весьма «аникушинский», академический характер, но в дальнейшем каждый пошел своей дорогой, вспоминая своего учителя как человека, который не препятствовал их творческому развитию и порой защищал от других преподавателей, рекомендуя не применять жестких мер к тому или другому студенту, подававшему надежды. Например, про Салмана Асланова, бывшего, кстати, его помощником в мастерской, он не раз говорил другим преподавателям: «Помягче с ним, пусть делает так, как считает нужным, ведь он по-другому чувствует, по-другому видит — не ломайте его».

Создание моделей памятников напоминает целое производство.